НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПОЭТИЧЕСКИХ СУДЕБ: НАЗЫМ И ФАИЗ

Л.А. ВАСИЛЬЕВА

Кандидат филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Назым Хикмет, Фаиз Ахмад Фаиз, эссе Фаиза, мировосприятие, художественное видение, поэзия, влияние, выбор, перевод

Два выдающихся поэта XX в. - турок Назым Хикмет Ран (1902-1963) и пакистанец Фаиз Ахмад Фаиз (1911-1984) - входят в число тех деятелей литературы и искусства, которые во многом сформировали художественный облик своего века. Имена Назыма и Фаиза были знаковыми для своей эпохи. Теперь они стали для всего мира символами национальной литературы и культуры.

В Стамбуле в октябре 2015 г. состоялся международный симпозиум, посвященный 100-летию преподавания языка урду в Стамбульском университете, в котором участвовали представители 16 стран.

Доклад российского индолога, автора статьи, о творческом содружестве двух выдающихся поэтов XX в. - турка Назыма Хикмета и пакистанца Фаиза Ахмада Фаиза - вызвал самый живой интерес аудитории, а также был отмечен наградой Стамбульского университета. Было очевидно, что тема доклада затронула многих участников конференции, и это не удивительно: Назым и Фаиз по-прежнему остаются кумирами любителей поэзии не только в своих странах, но и в многочисленных диаспоральных общинах, разбросанных по всем континентам. Более того, для пакистанских эмигрантов поэзия Фаиза особенно актуальна и близка, поскольку одна из главных ее тем касается чужбины и разлуки с родиной - ведь Фаиз не один год находился вдали от родного края, где над ним висела постоянная угроза ареста.

Многие моменты биографии, а также стихи пакистанского поэта и его турецкого собрата по перу, который провел в изгнании 12 последних лет своей жизни и умер на чужбине, имеют немало сходных черт. И, пожалуй, главное, что объединяет Назыма и Фаиза, - восприятие их поэзии и то влияние, которое их стихи оказывают на читателей в наши дни. Во всяком случае, оба поэта и сегодня остаются живыми и любимыми для турок и пакистанцев, где бы они ни жили - у себя на родине или за рубежом.

Оба имени хорошо известны в нашей стране. Большинство произведений Хикмета и Фаиза переведены на русский язык; их поэзия, во многом созвучная нашему времени, является объектом внимания исследователей.

В биографии и в творчестве обоих поэтов много общего, что определялось, прежде всего, их идеологическими устремлениями, непосредственно связанными с СССР. Москва - как символ социалистического мира и как реальный город - стала важной вехой в жизни и творчестве как Назыма, так и Фаиза. О культе Назыма, царившем в кругах московской интеллигенции в 50-х гг. прошлого века, еще помнят люди пожилого возраста. А те, у кого свежи в памяти 1960-е - 1970-е гг., могли быть свидетелями, как в публичных местах и на улицах Москвы Фаиза осаждали любители восточной поэзии с просьбой дать автограф. Москва связала судьбы обоих поэтов, определила их творческое кредо и сблизила художественное видение мира.

В конце 1970-х гг. руководство Союза советских писателей обратилось к Фаизу с просьбой написать книгу о своих впечатлениях об СССР. В 1979 г. в Москве в издательстве «Прогресс» вышла небольшая книга «Месяцы и годы знакомства. Воспоминания», написанная Фаизом здесь же в Москве¹.

В книге в рубрике «Встречи, беседы» содержится небольшое эссе «Назым Хикмет», упоминание о котором вряд ли можно найти в публикациях о Фаизе. Очевидно, причина некоего забвения этого литературного памятника в том, что книга «Месяцы и годы знакомства» вышла в Москве на языке урду. Здесь аудитория читателей была мизерная, и в магазине издательства осело незначительное количество экземпляров. Как правило, книги, издаваемые в Москве на редких языках, предназначались для отсылки в «родные края». В те годы отношения с Пакистаном были довольно сложные. По всей вероятности, тираж не дошел до широкого читателя. Его распространению в то время могли воспрепятствовать местные власти, которые отнюдь не были заинтересованы в советской пропаганде, как вполне можно было квалифицировать эту книгу.

Правда, за год до смерти поэта, в 1983 г., она была переиздана в Карачи. Но откровенная просоветская направленность воспоминаний поэта, видимо, не привлекла симпатий большинства пакистанских поклонников его поэзии, даже тех, кто буквально боготворил его как поэта, называя «чародеем слова». В любом случае, это - единственная книга Фаиза, оставшаяся, по сути дела, в тени. Включенное в нее вышеупомянутое эссе о Назыме Хикмете, которое больше нигде не публиковалось, разделило участь книги.

Между тем, это эссе - интересный и важный документ, во многом проливающий свет на взаимосвязь поэтов и общие черты их поэзии. Становится очевидным определенное влияние Назыма Хикмета на творчество Фаиза, в чем признается сам Фаиз. Этот факт нигде не упоминается в обширной биографической и исследовательской литературе о Фаизе.

Фаиз Ахмад Фаиз считал Назыма Хикмета одним из самых выдающихся поэтов-современников. Однажды, услышав лестные слова в адрес своих стихов, Фаиз ответил: «Да, у меня есть действительно неплохие строки. Но по сравнению с Назымом я - поэт совсем небольшой!» Конечно же, здесь говорила чрезмерная природная скромность Фаиза, но в этих словах ясно проявился большой пиетет, с которым он относился к творчеству своего турецкого собрата по перу.

В эссе о Назыме Фаиз писал:

«Мне и раньше было известно, что он - самый крупный современный поэт, пишущий на турецком языке. В Лахоре мне даже как-то попал в руки небольшой сборник его стихов в переводе на английский, который с упоением читали многие мои товарищи. В основном это была тюремная лирика - памятник долгим годам заключения Назыма. Отсидев свой срок, я часто вспоминал строки, написанные Назымом в турецких застенках:

*Как ни велики будут твои муки,
Не дай потускнеть рубину своего сердца!²*

Впервые Назым и Фаиз встретились в СССР на первой Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки в 1957 г. По словам самого Фаиза, «после этой встречи тесные узы нашей дружбы и любви не ослабевали вплоть до скоропостижной смерти Назыма в 1963 г.»³.

Общение поэтов продолжалось и в Москве. Одна из их московских встреч оказалась наиболее памятной. Как-то Назым пригласил Фаиза и еще нескольких писателей в гости. Фаиз, вспоминая тот день, пишет:

«Около двух часов мы трапезничали и вели разговоры на самые разные темы. А затем Назым тихо сказал мне: “А теперь, брат, пойдем в мою комнату, поболтаем!”»⁴.

Их «болтовня», по сути дела, была серьезной профессиональной беседой двух мастеров слова: «Мы начали говорить о стиле и форме стиха, о поэтической лексике, - пишет Фаиз, - и этот разго-

вор возобновлялся при моих последующих встречах с Назымом... На подобные темы, касающиеся поэзии, мы беседовали не раз. Несколько стихотворений, написанных тогда в Москве, и ряд других, которые вошли как в эту книгу⁵, так и в другие сборники, созданы под впечатлением наших бесед с Назымом»⁶.

В другом месте Фаиз говорит о том же, но более конкретно:

«В моих стихотворениях “Цвета моего сердца”, “Ночью”, “Иранским студентам” и в других совершенно четко просматривается отражение поэзии Назыма Хикмета»⁷.

В отличие от Назыма, владевшего русским языком, вечно окруженного друзьями и ведущего активную общественную жизнь, Фаиз русского языка не знал, и жизнь его в Москве была менее насыщенной встречами и мероприятиями. Круг московских друзей Фаиза, владеющих английским и уж тем более языком урду, был весьма ограниченным. Когда Фаизу нужно было с кем-то встретиться или выйти в город, ему всегда приходилось прибегать к помощи переводчика. Это, конечно, создавало некоторые неудобства. Однако была и обратная сторона медали: в Москве у Фаиза появлялось свое, свободное время, которого ему всегда не хватало. Фаиз признавался:

«В Советском Союзе мне нередко выпадают дни, свободные от мирской суеты и нескончаемых проблем, и, несмотря на определенную занятость, здесь судьба мне дарует драгоценные мгновения полного душевного покоя, четкости и целенаправленности мыслей»⁸. Это-то и было необходимо для поэтического вдохновения.

В Москве в такие «драгоценные мгновения» Фаиз создал многие свои шедевры лирики и сделал несколько переводов, которые послужили поводом для написания этой статьи.

Обращение Фаиза к творчеству Назыма Хикмета заслуживает особого внимания. Но сначала следует сказать несколько слов о переводах стихотворений Расула Гамзатова, т.к. на их фоне совершенно особым образом высвечиваются фаизовские переводы стихов турецкого поэта.

С Расулом Гамзатовым Фаиз связывали особо теплые отношения. Однажды Фаиз во время поездки в Дагестан посетил родное село Расула. Находясь под впечатлением от этого визита, Фаиз перевел несколько стихотворений своего дагестанского друга и так упомянул об этом: «Стихи Расула стали мне настолько близкими и понятными, что я даже перевел некоторые из них - практически в один присест»⁹. Впервые эти переводы были опубликованы в сборнике «На краю Синайской пустыни» (1971), а затем включены в книгу воспоминаний «Месяцы и годы знакомства» (1979). Заметим, что в сборнике эти переводы помещены в рубрике «Мысли дагестанского “Царя поэтов” Расула Гамзатова». Их можно, скорее, назвать вольным изложением поэтических строк Гамзатова по сравнению с максимально близкими к оригиналу, отточенными переводами из Назыма.

Стихотворения Назыма Хикмета Фаиз перевел далеко не «в один присест». Можно предположить, что намерение перевести что-нибудь из Назыма возникло у Фаиза задолго до того, как он приступил к его осуществлению - ведь стихи Назыма всплывали в его памяти еще со времен пребывания в Лахорской тюрьме, откуда Фаиз вышел в 1955 г. Более того, по словам самого Фаиза, некоторые свои стихотворения он написал под прямым влиянием Назыма. По всей очевидности, стихи турецкого поэта Фаиз перечитывал неоднократно и немало размышлял над ними.

Нет сомнения в том, что Фаиз был хорошо знаком с поэзией Назыма, поскольку лишь в этом случае он - не только выдающийся поэт, но и серьезный литературный критик, ответственный за каждое сказанное слово, - мог во всеуслышание называть Назыма «одним из крупнейших поэтов современности». Тем не менее, к переводам стихов Назыма Фаиз шел довольно долго.

Поэтический сборник «Вечер в городе любимых» (1978) Фаиз, как обычно, составлял и готовил к публикации сам. В него поэт включил три переведенных стихотворения Назыма: «Письмо из тюрьмы № 1», «Вере» и «Еще о родине». (В сборнике воспоминаний «Годы и месяцы знакомства» к этим трем переводам Фаиз добавил переводы еще двух стихотворений: «Письмо из тюрьмы № 2» и «Глаза голодных».)

Приводим русский перевод стихотворений Назыма Хикмета.

Письмо из тюрьмы¹⁰

*Я скажу тебе нечто важное, дорогая:
с переменной места*

меняется и человек.

Я в тюрьме полюбил видеть сны.

*Словно дружеская рука,
сон приходит снять с двери засовы,
опрокинуть эти четыре стены.*

*Как в банальном сравненьи,
я в сон погружаюсь, словно свет в стоячую воду.*

Мои сны, дорогая, прекрасны.

Я всегда на свободе,

Мир широкий и ясный.

*Я ни разу не падал в пропасть во сне
и ни разу не был в плену...*

Ты мне скажешь:

«Твои сны ужасны!»

Нет, жена моя,

*у меня достаточно мужества,
чтобы сну отдавать только то,
что положено сну.*

Вере¹¹

Она сказала: «Приди!»

Она сказала: «Останься!»

«Улыбнись!» - сказала она.

«Умри!» - сказала она.

*Я пришел.
Я остался.
Улыбнулся
И умер.*

Еще о родине

*Родина, родина, родина!
Не осталось на мне даже шапки -
Той, что с собой захватил,
покидая тебя.
Нет на ногах башимаков -
Тех, что были знакомы
с каждой тропинкой твоей.
Вот, осталась рубаха - дыра на дыре -
Та, что сшита была
до разлуки с тобой.
И теперь образ твой
Лишь седины мои хранят,
Да морщины на лбу,
Да мое разбитое сердце...
О моя родина! О моя родина! О моя родина!*

Казалось бы, почему из всего огромного наследия Назыма Хикмета Фаиз выбрал для перевода только три стихотворения? Только их он включил и в свой поэтический сборник, отказав в этом двум другим переводам, оставшимся лишь в малоизвестном сборнике воспоминаний.

Фаизом был глубоко продуман этот скупой выбор. Его мотивацию не сложно понять тому, кто более или менее знаком с творчеством обоих поэтов, достаточно внимательно прочитать в эти три перевода.

У великого поэта урду XIX в. Мирзы Галиба есть двуступице, которое нельзя не вспомнить в этом случае. Оно словно иллюстрирует выбор Фаиза (а может быть, и объясняет его):

*Незрячее сердце, оставь желание
полюбоваться садом:*

*Ведь каждый лепесток в нем -
лепесток-избранник!*

Если человек не обладает умением проникать в сущность вещей - у него «незрячее сердце», и ему недоступна истинная красота бытия. «Зрячим сердцем» обладает поэт, который видит мир глазами души, ему открыто то, что скрыто от других. Мир - сад, в котором каждый лепесток уникален, его можно сравнить со страницей из книги избранных стихотворений. Поэтому каждый лепесток неповторим в своей прелести, каждый стих - избранник, вобравший в себя красоту всего сада.

Эти строки Галиба своего рода косвенное подтверждение тому, что выбор трех стихотворений Назыма «зрячим сердцем» Фаиза далеко не случаен. Он в полной мере передает суть трех основных блоков лирической поэзии Назыма Хикмета: лирики тюремной, лирики любовной и лирики патриотической. Самые животрепещущие для Назыма темы: тюрьма (несвобода), любовь, роди-

на. Они проходят через все творчество Назыма, тесно переплетаясь и дополняя одна другую. После долгого и основательного знакомства с поэзией Назыма Фаиз отобрал для перевода три стихотворения, которые в полной мере характеризуют творческий путь турецкого поэта, высвечивают его основные вехи. В терминах Галиба три лепестка из сада поэзии Назыма Хикмета раскрыли зрячему сердцу Фаиза суть всего сада поэзии Назыма. Более того, в выборе Фаиза отражаются и его собственные пристрастия и интересы, полностью совпадающие с мировосприятием Назыма Хикмета. Все три темы образуют некий замкнутый круг, и их трудно отделить одну от другой.

Почти вся тюремная поэзия обоих поэтов носит ярко выраженный лирический характер, она пронизана ностальгическими воспоминаниями о любимой, тоской разлуки, страстным желанием встречи; многие стихи имеют форму «писем из тюрьмы» к возлюбленной, к жене (у Назыма). В тюремной лирике обоих поэтов находит выражение философия любви - святого для обоих чувств. Таким образом, в поэзии и Назыма, и Фаиза тюремная тема плавно вливается в любовную лирику.

«Читаю книгу: // она про тебя. // Слушаю песню: // опять про тебя. // Сажусь и ем свою пайку: // ты сидишь против меня...»¹², - пишет Назым, отбывая свой долгий срок. Мыслями о любимой полны и строки тюремной лирики Фаиза: «Глеет боль зеленым огоньком, // Боль о том, что здесь любимой нет...»¹³

Тема патриотизма столь же тесно переплетается с тюремной и любовной тематикой. В тюрьме мысли о возлюбленной и о родной земле неразрывно связаны. «Как сладко думать о тебе // сквозь шумы смерти и победы, // да, думать о тебе, когда в тюрьме... // Вот волосы твои - в них мягкость гордой земли моей // и моего Стамбула...»¹⁴, - писал Назым. В тюремных стихах Фаиза нередко образ возлюбленной сливается с образом родины, и, например, когда поэт говорит: «Небо, просыпаясь на рассвете, // Разгорается румянцем щек твоих...»¹⁵, не сразу понятно, идет ли речь о зардевшемся лице возлюбленной или об утренней заре над отчизной.

Тюремная тема включает в себя мотив изгна-

ния, имеющий особое значение для обоих поэтов, познавших горечь разлуки с родиной. Тюрьма - это то же отлучение от родины, от ее жизни и от возможности служения во благо отчизны. Думы поэта-узника о родине и ее судьбе сродни тоске по отчизне и беспокойству о ее настоящем и будущем, которое испытывает поэт-изгнанник на чужбине. Каждый день относительно спокойной жизни вдали от родного края полон тревожными, болезненными воспоминаниями о нем. Одинаково пронзительны стихи обоих поэтов, написанные вдали от родины. Так, оказавшись рядом с домом Доктора Фауста в «светлой Праге - старинном граде», Назым - «поэт вдали от родной земли, сраженный тоской» - восклицает, обращаясь к Мефистофелю: «Черт подери, // ну что тебе стоит // меня в Стамбул отнести на часок?!...»¹⁶ Так же беспокойно и тоскливо Фаизу в благополучном, процветающем Лондоне, когда «день становится ночью // под чужим равнодушным небом»: «Одиночество дома казалось ядом; // даже память о нем сегодня // стала бесценным кладом...»¹⁷

В основе творчества великих поэтов, где бы они ни жили и на каком бы языке ни писали, лежат неизменные принципы гуманизма, и основной посыл их поэзии всегда схож: он преисполнен чувствами сопричастности к событиям своей эпохи, сострадания и любви к человеку и ко всему человечеству. Эти качества отличают и творчество двух выдающихся поэтов своего времени Назыма и Фаиза - очень различных внешне и очень близких духовно. Их жизненное кредо выражено в стихах, гражданский пафос которых не утратил своего накала и сегодня:

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет мглу?

Назым¹⁸

Отобрали перо и бумагу - пусть, что за беда:
Я обмакнул персты в сердца горячую кровь!
Печатью закрыли мне рот, ну так что ж?
Моим языком говорят все звенья моих оков!

Фаиз¹⁹

¹ Подробнее об этой книге см.: Васильева Л.А. Фаиз Ахмад Фаиз. Жизнь и творчество. М., 2002, с. 305-306.

² Фаиз Ахмад Фаиз. Мах-о-сал-е ашнаи. Йадон ка маджмуа (Месяцы и годы знакомства. Воспоминания). М., 1979, с. 75.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 76.

⁵ В сборнике воспоминаний целый раздел составляют стихотворения разных лет, написанные Фаизом во время его пребывания в Москве.

⁶ Там же, с. 77-78.

⁷ Там же, с. 97.

⁸ Там же, с. 96-97.

⁹ Фаиз Ахмад Фаиз. Мах-о-сал-е ашнаи..., с. 97.

¹⁰ Пер. М.Павловой.

¹¹ Русские переводы этого и следующего стихотворения, опубликованные в поэтических сборниках Н.Хикмета, по мнению известного специалиста по турецкой литературе д.ф.н. С.Н.Утургаури, несколько удалены от оригинала и не передают его настроение. Переводы же Фаиза максимально приближены к оригинальным строкам. Поэтому здесь предложены авторские переводы с урду.

¹² Пер. Б.Слущкого.

¹³ Пер. А.Суркова.

¹⁴ Пер. М.Павловой.

¹⁵ Пер. Б.Слущкого.

¹⁶ Пер. Р.Фиша.

¹⁷ Пер. Н.Горской.

¹⁸ Пер. Л.Мартынова.

¹⁹ Пер. Л.Васильевой.